

Михаил Марк

Спасители Златоземья

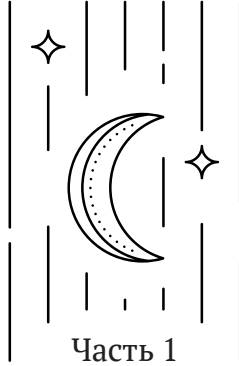
КНИГА ТРЕТЬЯ МИРОВОЕ ДРЕВО

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЗАВЕРШАЮТСЯ
В ЗНАКОМОМ НОВОМ МИРЕ

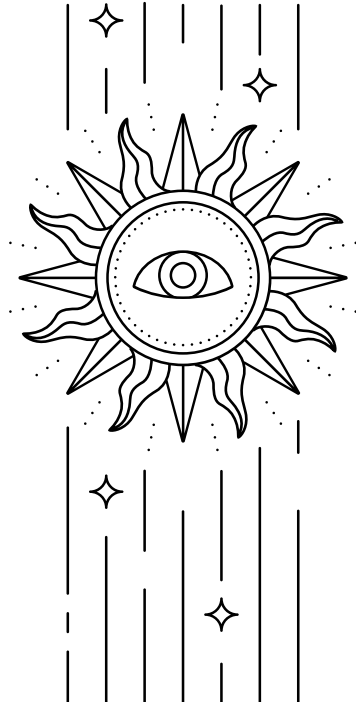
«Автограф»

2024

Часть 1

ТИСОВЫЙ ПОСОХ

Глава 1
**Подтвердившиеся
подозрения**

Лиафар и Агат остались наедине, если не считать мудреца, на чьей мерно вздымающейся груди посапывала Вертуша.

— Кто бы мог подумать, да? Дядя Влад оказался алатом! — произнёс Агат. Он старался говорить о хорошем, чтобы отвлечь опечаленного друга. — И он вспомнил тебя!

— Да, — кивнул Лиафар, заняв табурет подле мудреца. — Мы не успели сказать друг другу ни слова... Я теперь даже и не знаю, что думать.

— О чём это ты? — не понял Агат.

— О том, что отец скрывал от меня, да и от всех, что он... Почему? Белослав говорил, что алаты не заводят семью с людьми... это строго запрещено. Получается, он нарушил запрет, женившись на маме... Знала ли она?

— М-да, — протянул Агат. — Вам предстоит нелёгкий разговор, — шутливо добавил он.

— Только я пока не представляю, как мы сможем освободить папу. Адегор оборачивается вороном, Уджина повелевает призраками, а старец... о нём нам вообще ничего неизвестно.

— Ну, кое-что всё-таки известно, — подал слабый голос мудрец.

Он с трудом шевелил языком, но глаза под прикрытыми веками снова горели жизнью.

— Я узнал в нём своего отца.

— Мианарфон! Как вы... Вам лучше?

Вертуша на его груди подняла мордочку и зашевелила ушами. Друзья придвинули табуреты к лежанке, чтобы быть ближе к мудрецу и лучше видеть его в царящем полумраке.

— Чувствую себя как рыба без воды... Будьте добры, дайте хоть глоток...

Агат кинулся к столу, где ещё стоял графин с водой, и перелил остатки в глиняную чашку. Поднеся её, он придержал голову мудреца, пока тот жадно пил, роняя капли на спутанную бороду.

Лиафару вспомнились сказанные загадочным старцем слова, адресованные мудрецу и звучащие сейчас как в тумане. *«Да, знаю, — сказал колдун, поглядев в лицо с волоковыми глазами. — Вряд ли ты поймёшь...»* Так вот что они означали! Старец с мудрецом не просто были знакомы, как подумал в тот момент Лиафар. Этой ночью сразу двое встретились со своими отцами!

— Вы считали, он давно мёртв... Как он прожил столько лет?

— У меня есть несколько догадок, и одна хуже другой, — отозвался мудрец ещё не совсем твёрдым голосом. — Я и не чаял увидеть его... живым... Боюсь показаться чёрствым, но скажу откровенно, что совершенно не был рад встрече с ним... Налей ещё воды, пожалуйста, — обратился он к Агату, а затем протянул подрагивающую руку к Вертуше, вновь сомкнувшей веки крошечных глаз.

Графин был уже пуст, и потому Агат отправился за водой на кухню. Лиафар проводил его взглядом, после чего повернулся обратно к мудрецу и замер в нерешительности.

— Я рад, что ты наконец встретился с отцом, — опередив юношу, заговорил мудрец. — Рад, что сыграл в этом не последнюю роль.

— Я вам бесконечно благодарен! — сказал совершенно искренне Лиафар с загоревшимся взглядом. — Он узнал меня! Несмотря на беспамятство... несмотря на разделившие нас восемь лет.

— Для родных людей года не преграда. — Губы мудреца тронула измождённая улыбка.

— А вы знали, что мой отец... алат? — воспользовавшись моментом, спросил Лиафар.

Мудрец едва заметно покачал головой.

— Была ли у меня такая догадка? Да, но я до конца в неё не верил, — признался мудрец. — Не скажу тебе наверняка, с чего и когда именно меня посетила такая мысль, но, видимо, я привык разбирать в уме все возможные версии. Уверенности никакой не было, поэтому и озвучивать подобное предположение я не посмел.

Из кухни послышались шаги Агата, а за ним торопились Устин и Дина.

— Как вы, Мианарфон? — спросил на ходу Устин.

— Благодарю, уже в сознании, — отозвался мудрец и перевёл взгляд усталых глаз на хозяйку дома. — А вам, я полагаю, мы обязаны временным пристанищем? Простите великодушно, что не могу даже подняться для приветствия.

— Что вы, что вы! — поспешила успокоить гостя Дина. — Отдыхайте, набирайтесь сил, а если что-то понадобится, сразу зовите. Я сегодня уже точно не лягу.

— Вы очень добры, — благодарно ответил ей на любез-

ность мудрец, и Дина ушла на кухню. Мудрец припал к поднесённой чашке. — Сколько живительной силы в простой воде. — Он вдыхал воздух полной грудью. — А где остальные, тоже в доме?

— Царская семья наверху, Хеонид с Веней у Вердана — его родня живёт недалеко, — поспешил рассказать Устин. — Я с вашего позволения сбегая к ним, проведу нашего повара. Но сперва схожу к кораблю — посмотрю, удалось ли потушить пожар и сохранилось ли что-то в целости.

— Благодарю! — коротко ответил мудрец, и Устин, накидывая на ходу верхнюю одежду, покинул дом. — Вам бы тоже стоило отдохнуть...

— Но как же...

— С твоим отцом ничего не случится, — уверил Лиафара мудрец. — Если поначалу злодеи выкрали его, чтобы заставить нас... тебя, в частности... действовать более решительно, то, обнаружив, что он не просто человек... Впрочем, давайте не будем делать поспешных выводов, поговорим позже: в двух словах всё не обсудить, а для более основательной беседы у меня попросту нет сил.

В Лиафаре всё кипело. Он не хотел уходить, но и настаивать на разговоре тоже не смел. Переминувшись с ноги на ногу, он пожелал мудрецу доброй ночи и отправился вслед за Агатом в соседнюю комнату.

В тесном помещении с одним крошечным окном, в которое виднелось предрассветное небо, стояли две кровати (больше здесь ничего не уместилось). Агат бессильно упал на постель, не расстилая её, и тяжело вздохнул:

— Что за ночь!

Лиафар безмолвно кивнул и тоже присел. Он сомневался, что ему удастся заснуть с мыслями о взятом в плен отце, сияющий лик которого всё ещё стоял перед глазами. Но

только голова коснулась мягкой перины, как сон накрыл его тёмной вуалью: обессиленный юноша отдался грёзам без сопротивления.

Около полудня Агат ещё храпел, а Лиафар дёрнулся и пробудился в той же позе, в которой уснул. Едва он поднялся, как разум мгновенно наполнился воспоминаниями о минувшем дне и переживаниями по этому поводу, отчего голова запульсировала болью в висках. Услышав скрип кровати, открыл глаза и Агат. С растерянным видом парни переглянулись, будто силились понять, приснились им вчерашние события или то было взаправду.

Из соседней комнаты тянуло приятным ароматом горячей выпечки. Повинуясь запаху, друзья вышли из комнаты и оторопели, обнаружив в освещённом тусклым солнцем помещении бодрствующих царя Дандора, Полетту и Мианарфона. Все трое, сидя с края вытянутого стола, повернули головы на звук скрипнувшей двери, и юноши замялись, стыдясь своего помятого вида.

— Доброго утра! — с поклоном пожелали они в один голос. Полетта ответила им лучезарной улыбкой.

— Скорее, доброго дня! — уточнил мудрец, выглядя намного лучше, чем несколько часов назад.

— Приводите себя в порядок и скорее присоединяйтесь к нам, — добавил царь Дандор. В отличие от собеседников, он был хмур и не весел.

Из прохода в кухню выглянула голова и кивком поманила юношей к себе.

— Хорошо выспались? — спросил Устин, проводив островитян к умывальнику. Сам он выглядел крайне уставшим. — А мне тётка не позволила отправиться на боковую, говорит, отдохну, когда царь Дандор отчалит. Царица Катерина с дочерью и сыновьями вон уже отправились в Леградскую

усадыбу.

— А Полетта почему осталась? — убрав полотенце от лица, живо поинтересовался Агат.

— Упросила государя побыть с ним, — поведал Устин. — На самом деле, неловко было. Царь сначала отказал, но царевна настаивала. Не будь свидетелей, возможно, случилась бы ссора. Царь в итоге смилиостивился и больше не возражал.

Лиафар заметил, как при этих словах Агат расцвёл широкой улыбкой, будто решил, что Полетта захотела остаться именно из-за него.

— Алаты больше не появлялись? — спросил с озабоченным видом Лиафар. — Те, которые были здесь вчера...

Устин отрицательно мотнул головой.

— И о твоём отце вестей пока тоже нет, — добавил он, опережая вопрос. — До рассвета тушили пожар. Мы с Веней принесли то, что уцелело на корабле. От самого судна остались только тлеющие обломки. Мианарфон говорит, пламя было колдовским, потому и справиться с ним было так непросто. Вердан больше остальных горюет — с кухни его лишь пара кастрюль уцелела. Но ему бы о сломанной ноге переживать... Ладно, пойду-ка я вздремну немного, сил нет. Пусть хоть задушит меня тётка.

Возвращаясь в общую комнату, друзья успели заметить спину идущего к выходу служивого. В распахнувшемся на миг дверном проёме мелькнули взволнованные лица горожан и сдерживающие их фигуры стражников. Из чего друзья сделали вывод, что старшины выставили охрану вокруг дома, узнав о пребывании здесь царя Дандора.

— Садитесь скорее! — велел царь с весьма суровым видом.

К удивлению Лиафара, Полетта сделала едва уловимый жест, приглашая их сесть рядом, при этом взгляд её был

обращён к Агату. Островитяне поспешили занять места.

— Мы как раз обсуждали с его величеством дальнейшие действия, — решил коротко ввести юношей в курс дела Мианарфон.

Он сложил руки на столе, дрожь в них с ночи почти прошла. Вертуша, свернувшись клубочком, лежала у мужчины на коленях, но едва за стол сел Агат, она перепрыгнула на соседний стул, а там через Полетту добралась до островитянина, заботившегося о ней в отсутствие мудреца. Проводив её одобрительным взглядом, чародей продолжил:

— Дворец, насколько нам известно, покинуло большинство узников, включая прислугу. Те немногие, кому не удалось уйти от призраков, остались прислуживать злодеям, но куда другой свиты у них нет, люди будут в безопасности. Это касается и твоего отца, Лиафар.

Юноша обрадовался, что мудрец не стал обходить стороной эту тему и собрался было поделиться своими соображениями по поводу вызволения отца из плена, но чародей его опередил:

— Мы признаём, что не ведаем истинной причины его похищения, но наиболее вероятная — он необходим злодеям, дабы угрожать нам. Очевидно, что мы не станем совершать опрометчивых поступков, понимая, что от этого может зависеть жизнь Влада.

— Значит, мы оставим его... Ничего не предпримем? — произнёс в изумлении Лиафар. Ему не хватало воздуха от волнения.

— Вспомни, когда его похитили в Синих лесах, я высказал уверенность, что ему не причинят вреда. Я был прав. Поверь мне и теперь. — Мудрец говорил мягко (то ли от изнеможения, то ли из стремления успокоить Лиафара), но настойчиво. — Он нужен им. Не знаю наверняка, зачем, но

нужен. В противном случае, стали бы они рисковать и раскрывать себя? Отныне мы знаем злодеев в лицо. Их трое: хитроумный и безжалостный Адегор, повелительница призраков Уджина и... Белофрон — человек, которого я когда-то называл отцом.

— Но мы не знаем, какова их цель, — многозначительно поглядев на мудреца, произнёс царь Дандор. — Ты говоришь, что рано или поздно сюда с оружием придут черти. Но зачем и почему?

— Государь, как я уже сказал, Адегор присвоил корону и бесцеремонно занял ваш трон лишь благодаря помощи своих покровителей, назовём их так. Он не удержит власть, точнее, не установит её, оставшись в одиночестве. Стало быть, ему понадобится сила. Сила эта в лице полчищ чертей, как нам известно, собирается на окраине Чёрных гор и снаряжает флотилию у берегов Гадюки. Они придут сюда, в этом не стоит сомневаться, вопрос лишь в том, когда это произойдёт. И я вынужден снова попросить вас о том, чтобы вы распорядились переселить людей, велели им уйти на восток Золотореченска или дальше.

— Зачем Адегору черти, если эта Уджина повелевает призраками? — вопрошал царь Дандор, испытывая явное нетерпение. — Алаты, как выяснилось, и те не способны противостоять им, разве что распугают их на время, но те слетятся вновь.

— Черти нужны Адегору, чтобы окончательно захватить власть в Золотореченске. Уджине же трон не нужен. Не нужен он и Белофрону, я полагаю.

Краем глаза Лиафар заметил, как Агат придвинулся к Полетте. Устроив Вертушу на своих коленях, он почёсывал зверька под зобом. Девушка робко протянула руку и, спросив взглядом разрешения, погладила Вертушу по шерсти-

стой спинке. В отличие от Лиафара, всецело внимавшего разговору царя с мудрецом, эти двое (трое, если считать Вертушу) явно были менее сосредоточены на насущных проблемах.

— И как только они найдут то, что ищут, тотчас оставят Адегора, — продолжал мудрец. — Он же, заполучив заветную корону, не сможет расстаться с ней и захочет удержать власть. Пока же Адегор лишён возможности повелевать и устанавливать собственные порядки. Но войско чертей может помочь ему в полноценном захвате. И даже если мы не позволим это сделать, бой отнимет сотни, может быть, тысячи жизней, — надо предупредить людей и велить им уйти подальше от будущего поля сражения.

Царь Дандор пуще прежнего нахмурил густые брови, так что они слились воедино, и с минуту просидел без движения. Воцарившаяся тишина привлекла внимание Агата с Полеттой, вспомнивших, наконец, о присутствии остальных.

— Да, ты прав, конечно, — нехотя согласился царь. — Я велю людям оставить на время свои дома... Но откуда такая уверенность, что двое союзников Адегора уйдут?

— Они ведь ищут что-то... какой-то тайник...

— Но его там нет! — настойчиво сказал царь Дандор, по-видимому, уже не раз произносивший эти слова.

— Я не убеждаю вас в обратном, государь. — Мудрец был само спокойствие. — Но враг наш убеждён в наличии тайных подземных ходов. И когда он, скажем, убедится в их отсутствии, то уйдёт, в этом я почти не сомневаюсь. Вопрос в том, что движет злодеями. Мотивы Адегора ясны, а Уджина и Белофрон не раскрыли своих замыслов. Напомните, пожалуйста, не обмолвился ли кто из них чем-то важным невзначай?

Мианарфон обратился ко всем сидящим за столом, и

на лицах их, включая царя Дандора, отразилось задумчивое недоумение. Всеобщее погружение в свои мысли вновь установило тишину в комнате.

В это время из кухни появилась Дина с глиняным кувшином в руках. Не обращая внимание на сосредоточенные лица гостей, она поднесла кувшин к столу со словами:

— Свежее парное молоко. Только коровку подоила. Угощайтесь, пожалуйста... Что же вы пирожочки не кушаете? Может, ещё чего хотите?

— Всё хорошо, всего предостаточно, — хмуро отозвался царь. — Спасибо! — добавил он, не желая обидеть хозяйку, к которой они заявили посреди глубокой ночи.

Дина откланялась, забормотав на ходу: «Куда запропастился этот пройдоха Устин? Найду, хуже будет!»

— Итак, — произнёс царь и смолк на мгновение, подводя в уме какие-то итоги. — Мы готовимся к войне и пока не предпринимаем попыток вернуть контроль над дворцом, следим за дальнейшими действиями врага и ждём... ждём, когда что-то изменится. Я ничего не упустил?

— Да, ваше величество, именно так я и советую поступить, — сказал мудрец, боясь показаться человеком, диктующим царю Золотореченска собственные условия.

— Понадобится очень много воинов, — снова соединив брови, проговорил царь. — Чтобы разместить их по границам с морем и вдоль ущелья... Надеюсь, гонцы вернуться из Корнагота, Велигорна, Винголя и Горлеппии с согласием тамошних правителей прислать свои отряды, иначе нам не выстоять.

— Не стоит забывать, что солнечный свет губителен для чертей, — ободряюще произнёс мудрец. — Каким бы многочисленным ни было воинство нечисти, с рассветом они станут слабее.

— Если только солнечные дни не оставят нас: как никак зима на носу, — более скептически заметил царь Дандор. — Быть может, удастся упросить Мираж помочь нам.

— По правде говоря, я не знаю, как с ней связаться, — проговорил чародей.

— А что по поводу прокля... — заговорил было царь, но осёкся, покосившись на Полетту, и громко прочистил горло, как бы заполняя неловкую паузу. — Что ж, если у тебя появятся какие-то догадки, дай мне знать, пожалуйста.

— Разумеется, государь, — подтвердил готовность мудрец.

— Не зачаруешь ли парочку листов бумаги, чтобы мы могли в случае необходимости отправить срочное сообщение? Разумеется, когда ты полностью восстановишься.

При упоминании зачарованных писем Агат и Полетта встретились взглядами, и оба покраснели от смущения.

— Боюсь, без своего меча я не смогу этого сделать, — с горечью в голосе отозвался мудрец. — Мои возможности весьма скромны, а меч имел бóльшую силу, позволявшую прибегать к чарам, которыми я овладел за время обучения в Ордене. Но я не так давно отправлял письма другим чародеям, возможно, скоро они прибудут сюда, и я поправлю своё положение. К тому же, пусть нас не так много, как хотелось бы, но наследники Перворождённых тоже смогут внести свой вклад в противостояние с врагом. Собственно, я надеюсь, что общими усилиями мы сумеем придумать, как одолеть Белофрона.

— На этом и закончим, — подытожил царь Дандор и поднялся.

Все остальные также поспешили встать с мест. Мианарфон, судя по виду, ещё не ощущал твёрдости в ногах и потому опёрся на край стола.

— Может, ты всё-таки поедешь с нами? — напоследок

обратился к мудрецу царь.

— Благодарю, государь, но мне пока стоит воздержаться от передвижений. Да и пользы от меня сейчас никакой.

— В таком случае, до скорой встречи! Берегите себя!

Царь захватил взглядом островитян, и те отвесили ему поклон, после чего он поманил Полетту жестом длиннопалой руки. Царевна, улыбнувшись на прощание, направилась вслед за отцом к выходу.

Едва Дандор с Полеттой вышли, за стенами дома поднялся невообразимый гвалт: люди приветствовали царя, просили помощи, спрашивали о ситуации.

Дверь затворилась, и шум приглушился. Мудрец, тяжело вздохнув, опустился на стул с высокой плетённой спинкой, и Лиафар с Агатом поспешили придвинуться к нему.

— Как вы себя чувствуете? — справился Лиафар.

— Может, вам что-то нужно? Какие-то целебные травы? — также проявил заботу Агат.

Вертуша и та запрыгала вдоль скамьи, через стул и на колени мудреца, после чего прижалась к нему покрытым шерстью тельцем.

— Всё хорошо, мне просто нужно отдохнуть, — с благодарностью глядя на островитян, сказал мудрец и принялся поглаживать зверька. — Но не будем обо мне, поговорим о вас. Нам ведь многое нужно обсудить. И начнём, пожалуй, с событий, последовавших за моим отплытием из Велигорна... Утром того дня вы в составе отряда должны были отправиться к тайнику в Седых горах, где, как я уже знаю, вы раздобыли Серебряный лампирон. Прошу как можно подробнее рассказать обо всём, что произошло в промежутке до нашей новой встречи во дворце.

Рассказ вёл преимущественно Лиафар, Агат больше слушал со странным выражением лица и всё поглядывал на

мудреца с некоторой многозначительностью. Заметив одно из таких переглядываний, Лиафар запнулся, но Агат спешно взял со стола пирожок и с интересом принялся оглядывать деревянный потолок, исполосованный массивными балками.

— По пути в пристань Зеленограда Таилита, то есть Уджина... Никак не привыкну... А вы и правда считаете, что всё это время под ликом принцессы пряталась Уджина?

— Что ж, не хочу показаться чрезмерно самоуверенным, но я убеждён в следующем: призрак, посланный по нашему следу и подслушавший разговор на корабле по пути в Велигорн, передал полученные сведения Уджине, и злодеи немедленно составили план первых действий, — поделился соображениями мудрец. — Адегору не удалось сделать тебя своим союзником, но теперь, объединившись с Белофроном и Уджиной, он, возможно, предложил им не отказываться от этой идеи. И для начала они решили понаблюдать за нами в непосредственной близости. Заслать товенетов было бы откровенно глупо, ведь я был уже настороже, вот они и задумали отправить Уджину, обладающую, как нам известно, чудодейственными ягодами, дарующими любой облик, какой только пожелаешь.

— Я вот сейчас припомнил, как в пристани Велигорна, когда Уджина хотела заплатить казначею, она сперва потянулась к одному напоясному мешочку, но как будто вспомнила, что там у неё не монеты хранятся, и убрала руку, — поделился наблюдением Агат. — И на судне она вроде бы пару раз прикладывалась к ягодам из того мешочка.

— Ты видел это? — удивился Лиафар.

— Вот прямо чтобы ягоду увидел — такого не было, — нехотя признался Агат. — Но я следил за ней и замечал её руки у мешочка.

— Погоди, ты следил за ней? — переспросил Лиафар.

На этот раз он отчётливо увидел, как Агат и мудрец переглянулись, словно были связаны какой-то одной им известной тайной.

— Что это значит? — совершенно растерялся Лиафар.

Агат отложил пирожок и с виноватым видом заговорил:

— Когда ты отправился за дядей Владом в лес, я вернулся в замок и... там у нас было много времени в ожидании вестей...

— Я поделился с Агатом своими подозрениями по поводу того, что среди окружавших нас тогда персон кто-то мог состоять на службе у врага, — вступился мудрец, избавляя Агата от неловких объяснений.

— И вы сразу поняли, что это Таилита?

— Мы не знали, только предполагали, — уточнил чародей. — Я посоветовал Агату приглядывать за ней... как, впрочем, и за всеми остальными.

— Но как же я? Почему мне не сказали? — недоумевал Лиафар, чувствуя себя обманутым.

— Я просил вас обоих быть бдительными, — напомнил мудрец. — И это было главным. А что касается прямого подозрения Таилиты в связи с Адегором и Уджиной, то была лишь догадка. Мы не обладали точной картиной происходящего... Почему мы не сказали тебе о своих подозрениях? Наверное, потому, что ты не воспринял бы их всерьёз. Как предположил тогда Агат, принцесса успела запасть тебе в сердце.

Лиафар так резко повернул голову, что едва не свернул шею. Он наградил друга рассерженным взглядом, хотя не понимал до конца, что его расстраивало больше: то, что друг заметил его симпатию к Таилите и рассказал об этом мудрецу у него за спиной, или то, что смолчал о подозре-

нии её в двуличности. Агат с горящими ушами выглядел пристыжённым, но глаз не отвёл.

— Просто признайся, что тебе было приятно обладать сведениями, которыми не владел я? — с обидой в голосе обратился к другу Лиафар. — Я отказался рассказывать правду о Белославе, и ты решил отомстить мне таким образом?

— Что?.. Нет! — запротестовал Агат.

— Это я попросил Агата помалкивать, — прервал назревающую перепалку мудрец. — Я наказал ему остерегаться обвинений в сторону милой твоему сердцу принцессы. Да ты бы и не поверил в предостережения и, чего хуже, встал бы на её сторону, отгородившись от друзей.

— Это почти и произошло, когда мы собрались покинуть королевский замок и отправиться в путь за Звёздным камнем, — сказал Агат, с вызовом глядя другу в глаза. — Только я намекнул, что Таилите нельзя доверять, как ты начал защищать её. Ты отмахивался от любых моих доводов, просто не хотел меня слушать!

Лиафар не нашёлся, что ответить. Достаточно было вернуться в памяти в то самое время, когда он последовал бы за Таилитой куда угодно и воспротивился бы любым недобрым словам, порочащим её светлый образ. Агат действительно пытался его предостеречь, но он не стал слушать.

— Ещё одна причина, по которой мы не решились открыто обвинять принцессу в пособничестве злодеям, — неторопливо заговорил вновь мудрец, — это желание узнать её мотивы... дождаться момента, когда она раскроет себя.

— Но вы сказали, что не были уверены. Однако в ваших словах уверенности хоть отбавляй, — не преминул заметить Лиафар. — Чем Таилита... то есть Уджина выдала себя?

— Мне на ум приходит тот случай, предотвративший бой между лесовиками и велигорнцами. Никто не ожи-

дал от принцессы ничего подобного. Особенно такому её поступку был поражён король Тарефар. Он сказал, что не узнаёт её, что она ведёт себя непозволительно, дерзко и несвойственно её обычному поведению. Балы и наряды — вот, что волновало настоящую принцессу. Тогда-то я и задумался всерьёз...

Лиафар вспомнил ту встречу на мосту перемирия. Они с Таилитой впервые оказались так близко, и юноша смог насладиться её загадочным глубоким взором. Неужели она совершила тот решительный безумный поступок лишь из каких-то коварных побуждений? Но этого не может быть! Девушка была взволнована, по-бунтарски взбудоражена. Она не страшилась гнева отца (правда, теперь-то уже понятно, почему) и даже защищала лесовиков.

Потом перед глазами возникло другое лицо, но с тем же глубоким взором. Уджина, едва сдерживая слёзы, вложила фигурку птицы в нагрудный карман и стыдливо отвела виноватый взгляд. Неужели она — и Лиафар боялся признаться себе в том, что очень желал этого — испытывала к нему чувства и сожалела о содеянном?

Юноша поискал взглядом плащи и поклажу, оставленные в потёмках где-то в дальнем конце комнаты, и увидел их аккуратно сложенными стопкой на одном из табуретов. Поборов в себе жгучее желание взять деревянную фигурку в руки, он остался на скамье.

Мудрец поморщился и крепко сомкнул веки на несколько секунд.

— Друзья, мне нужно ещё немного отдохнуть. Я обессилен, и отсутствие у меня моего меча не облегчает состояние. Но прежде я бы хотел ещё кое-что вам сказать, — загадочно произнёс чародей, и островитяне всем своим видом выразили готовность слушать. — Мы находимся на пороге

войны. Замыслы врага неизвестны. Средства против товетов мы лишились. А ещё они взяли в плен Влада. Алата! Не могу отделаться от мысли, что он им нужен не только, как инструмент давления на нас. Лиафар, не мог бы ты вернуться домой и выяснить у родных всё, что им известно о твоём отце? Возможно, это поможет нам разобраться.

Лиафар сперва опешил, но потом понял, что подсознательно и сам подумывал спросить деда и бабушку об отце. Вот только он не собирался отправляться домой сейчас, когда отец вспомнил его и теперь, вероятно, ждал от него помощи.

— А если им ничего неизвестно? — озвучил резонный вопрос Лиафар.

— Не спросив, не узнаешь, — мудро рассудил Мианарфон.

Глава 2

Смятение и страх

Островитяне неохотно собирались в дорогу, но делать было нечего: сидеть под стенами дворца и ждать каких-то подвижек было не многим лучше.

— Пока вы будете в пути, я успею набраться сил и заодно попытаюсь разгадать записи в тех источниках, которые нам удалось вынести из библиотеки Ордена, — сказал мудрец с Вертушей в руке и нетвёрдым шагом перебрался на лежанку. — И вот ещё что, дабы избежать щекотливой ситуации, нам необходимо быть уверенными, что при новой встрече среди нас не окажется кого-то из злодеев, принявших чужой облик.

— И как же мы сможем это выяснить? — полюбопытствовал Агат.

— Предлагаю выбрать какие-то особенные фразы, вопросы или приветствия и такие же особенные ответы, — бесхитростно проговорил мудрец. — К примеру, меня вы можете узнать по фразе: «И под белым снегом — чёрная земля». Но её может знать и враг, поэтому давайте немного изменим её на: «А под белым снегом прячется весна».

— Тогда моей фразой будет: «Истина, как и луна на све-

те... м-м...круглая и сияет», — предложил Лиафар.

— Ну отлично, все хорошие фразы разобрали, — буркнул Агат. — Хотя у меня тоже есть одна. Мой дед говаривал: «Будешь много знать — скоро состаришься». Сам он, правда, не шибко умным был и меня, подозреваю, недолюбливал, даром что я был его единственный внук. «Будешь много знать — не будут болваном звать» — вот моя фраза.

— Что ж, отлично, теперь нас лживым обликом не обмануть, — закрепил мудрец.

Закинув дорожные мешки за спины, островитяне запахлоли плотнее плащи. Агат поднял с пола котомку, в которой путешествовала Вертуша, и с грустью посмотрел на зверька. Встретив взгляд глаз-бусин, обратился к мудрецу:

— А... Вертуша вам не помешает? Если хотите, мы возьмём её с собой... на время.

— Думаю, вам хватит забот и без Вертуши, — откликнулся с улыбкой мудрец. — Пусть побудет со мной: ничто не помогает держать себя в руках так, как необходимость заботиться о ком-то другом...

Он погладил зверушку по холке и опустил к полу. Та резво прыгнула с изрезанной морщинами ладони на дощатый пол и поскакала к присевшему на одно колено Агату.

— Веди себя прилично, — наказал Агат, погладив шерстистую спинку коловёртыша.

Та моргнула, а затем прыгнула к Лиафару. Она поднялась на задние лапы и потянулась вверх, приплюсываясь крошечным носом. Лиафар немало удивился: ранее Вертуша не выказывала такой привязанности к нему.

— Надо же, она как будто понимает, что мы долго не увидимся, — взгрустнулось Агату.

— Доброго пути! Будьте бдительны, берегите себя! — пожелал мудрец напоследок, и юноши направились к выходу.

Когда друзья вышли за дверь, не было ни толпы, ни царской стражи, только несколько зевак, по-видимому, не желавших расходиться в ожидании появления новых знатных персон. Они с любопытством оглядели Лиафара и Агата, но, не обнаружив в их облике ни намёка на принадлежность к царскому окружению, лениво отвернули взоры.

Со стороны площади, куда упал корабль, в хмурое небо тянулись струйки чёрного дыма, говорившие о тлении останков судна. Глянув чуть правее, друзья увидели знакомые башни царского дворца в окружении облака товенетов.

— Мудрец прав, с дядей Владом всё будет в порядке, — распознав задумчивый взор друга, попытался утешить его Агат.

Лиафар ничего не ответил, просто кивнул с отсутствующим видом и решительно отвернулся от тревожащей душу картины.

Друзья двинулись в путь домой, не испытывая ни капли радости. Впереди их ждала встреча с родными, сообщение скверных вестей, непростой разговор с Дивадом и Варей. Лиафар старался не думать плохо о своих стариках, но то и дело ловил себя на мысли, что не может избавиться от нарастающего чувства обиды. Почему они не сказали, что его отец принадлежит к роду крылатых людей? Если не в течение последних лет, то сразу после избрания Спасителем, когда он спросил их про родителей. Они утверждали, что Анна и Влад ничем особенным не отличались. Правда, теперь ему вспомнилось, что старики при ответе загадочно переглянулись, хотя уверенности он не испытывал, возможно, это лишь его воображение так разыгралось.

Подгоняемые позднеосенним ветром и стремлением поскорее прояснить возникшие вопросы, островитяне двинулись вниз по извилистой улице.

Встречавшиеся на пути горожане обращали внимание, что юноши шли в обратном от центра Зеленограда направлении, и считали необходимым пристать к ним с расспросами. Поначалу Лиафар и Агат вкратце рассказывали о захвате дворца и приготовлениях к битве, но потом решили говорить, что им ничего не известно, а вскоре они и вовсе перестали привлекать к себе внимание. Люди были угрюмы и напуганы, а знай они о полчищах нечисти, собирающихся напасть на Золотореченск, непременно бросились бы в бегство. Царь Дандор обещал оповестить народ о приближающейся беде, но пока, судя по всему, глашатаев не разослали по городам и весям с дурными вестями.

На ночлег друзья попросились в один из местных домов. Всклокоченного вида хозяин сперва не хотел пускать их к себе, но быстро передумал, когда Лиафар предложил ему два золотых.

По ощущениям происходящее напоминало обоим ту недавнюю пору, когда они только вернулись из похода в Чернигрум. Точно также, как и тогда, Лиафар стал молчалив и замкнут. Агату же приходилось приободрять его и всячески поддерживать, и на этот раз он не думал жаловаться или обижаться на друга за то, что тот был занят исключительно собственными переживаниями.

На следующий день после полудня островитяне достигли ярмарки. Выглядела она ещё мрачнее, чем в их первый поход, когда царствовали непогода и неурожай. И вид этот слабо оживляли редкие солнечные лучи, пробивающиеся сквозь плывущий по небу туманный полог. Среди прилавков не было ни одного развлекательного: продавалось и покупалось лишь самое необходимое. Разве что одна телега, гружёная поделками и утварью из дерева, слегка выделялась из общего единообразия. На её краю, свесив короткие

ноги, сидел знакомый чудаковатый старик в соломенной шляпе, прикрывавшей остатки седины на голове.

— Доброго дня, дедушка Кирилл!

— Доброго дня, пареньки! — отозвался жизнерадостный старик. — Теперь-то я уверен, и правда день будет добрее. Давайте-ка, рассказывайте, какими судьбами вас сюда занесло? И что вам известно о захвате царского дворца? Говорят, прошлой ночью царю удалось спастись бегством, а сам дворец едва не сожгли.

— Не совсем так, — уклончиво произнёс Лиафар.

Тут он понял, что беседа с Кириллом может выйти весьма полезной, если удастся разговорить старика. Так что Лиафар облокотился на бортик телеги и рассказал коротко об осаде дворца, о проникновении внутрь, о встрече с мудрецом и другими узниками, о побеге. Когда ход дошёл до сцены с похищением Влада и встречей с врагами лицом к лицу, Лиафар помедлил, боясь, что от известия о живом друге старика хватит удар.

— Среди злодеев оказался человек, которого многие считали мёртвым. Мудрец узнал его, но, кажется, не сразу поверил своим глазам.

Лиафару не пришлось договаривать: в глазах старика отразилась сумасшедшая догадка.

— Не хочешь ли ты сказать, что... что это был мой старый друг? — растеряв привычное жизнерадостное, если не сказать сумасбродное, состояние, спросил дед Кирилл.

Лиафар кивнул.

— Искушайте меня в проруби! Он жив?! — воскликнул старик, чем заслужил неодобрительные взгляды находившихся поблизости купцов и торговцев. — Но как? — добавил он чуть тише. — Неужели Белофрон нашёл-таки то дерево с яблоками, продлевающими жизнь?

Что-то изменилось в его взгляде, и он нервно сжал в руках свою трость.

— Погодите, так он заодно со злодеями?

— Да, — подтвердил Лиафар. — Но мы не знаем, почему он примкнул к ним и какую цель преследует. Нет ли у вас соображений по этому поводу?

Дед недоумённо пожал плечами.

— Даже предположить сложно... И поверить не могу, что он жив... что перешёл на тёмную сторону... А что Мианарфон? Как он пережил встречу с отцом?

— Кажется, он больше не хочет называть его своим отцом, — только и ответил Агат.

— Оно и понятно... М-да, Белофрон явно изменился и не в лучшую сторону... А впрочем, он редко проявлял заботу о близких, скорее, для него важнее были его собственные увлечения, так что, возможно, не так уж и сильно он изменился... — говоря сам с собой, проворчал дед Кирилл и тяжело вздохнул. — Наверное, и я бы отказался называть отцом того, кто поддался тьме... Даже не знаю, что лучше: считать его мёртвым или узнать, что он жив, но предал то, что был призван защищать.

Друзья почтительно поддержали молчание старика, однако, Лиафар не собирался так легко сдаваться и, выждав несколько секунд, вновь попытался выведать хоть какие-то подробности характера Белофрона.

— Вы сказали, что он всегда грезил странствиями, любил их больше семьи. А что он пытался отыскать? Может быть, какой-то артефакт, вроде варежки или чудо-скатерти?

— Нет, он просто не любил закрытого пространства, не хотел никакой ответственности и предпочитал жить в своё удовольствие, — проговорил опечаленный дед Кирилл. — Но так я стал думать уже после его исчезновения. И могу

ошибаться, как ошибался, считая, что он предан Ордену. Мне казалось, он был горд своим причастием к сообществу, противостоящему тьме.

— Значит, вы и предположить не можете, что ему нужно? — испытывая разочарование, спросил Лиафар.

— Ежели Мианарфон не может постигнуть эту загадку, вряд ли я найду ответ, — угрюмо произнёс дед. Он протяжно вздохнул, посмотрел куда-то вдаль, а затем взглянул на юношей так, словно впервые их увидел. — Ну так, а вы куда путь держите?

— Спешим домой, — коротко ответил Агат.

— И правильно, лучше держаться подальше отсюда, — с пониманием произнёс Кирилл.

— Нет... Мы по делу спешим домой и скоро вернёмся, — попытался объяснить Лиафар.

— Так я вас ни коим образом не осуждаю, — явно не до конца поверив в искренность юноши, сказал старик.

Испытывая негодование (ведь ничто так не обижает, как убеждённость собеседника в твоей неискренности, в то время как ты ни слова не солгал), Лиафар хотел возразить, убедить Кирилла в том, что они не бегут, как крысы, а наоборот, ищут способа одолеть врага. Но прежде, чем он сформулировал про себя ответ, Агат сказал:

— Ну, как мы уже говорили, мы спешим. Пора нам.

— Конечно, пареньки, в добрый путь! — пожелал дед Кирилл, не смея их задерживать.

Лиафар с секунду колебался, а потом понял, что момент упущен — он не станет навязываться с оправданиями. Но кое-что он всё же решил сообщить старику напоследок.

— Та варезка, которую вы нам даровали... Она теперь у Белофрона.

— Вот как?.. Что ж, это вполне справедливо, учитывая,

что это именно ему довелось добыть её в одном из наших совместных странствий. Помнится, он не питал к ней привязанности... ни к одной из вещей. Потому и оставил их мне, а я убрал их в ларец да задвинул подальше.

Распрощавшись со стариком, юноши продолжили путь.

Чуть отдалившись от площади, где проводилась ежедневная ярмарка, друзья услышали за спиной приглушённый расстоянием зычный голос глашатая, сообщавшего царский указ. Лиафар и Агат не разобрали слов, но догадывались о содержании.

До наступления ночи оставалось немногим больше трети дня. Этого времени им хватило с лихвой, чтобы поругать деда Кирилла за проявленное к ним недоверие, затем испытать стыд по этому поводу и обменяться недоумением в отношении пристрастий Белофрона.

— Думаешь, мудрец сумеет разгадать записи? — спросил дружеского мнения Лиафар. — Похоже, надежда только на него. Едва ли нам удастся узнать о папе что-то такое, что поможет приоткрыть завесу тайны над планами злодеев.

— Считаешь, мудрец просто так отослал нас подальше, чтобы мы, а точнее ты, не натворил глупостей? — высказал предположение Агат.

— Что? — удивился Лиафар. И тотчас решил, что друг, вероятно, был прав. — Вот пока ты этого не сказал, я так не думал, а теперь...

— Нет, я просто предположил, — замялся Агат, испытывая вину перед другом, и поспешил сменить тему: — А что ты думаешь по поводу того вопроса, который едва не прозвучал из уст царя Дандора? Помнишь, перед уходом?..

Лиафар понял хитрый ход мыслей Агата, но не стал топтаться на одной теме и пусть нехотя, всё же поддался уловке:

— Я решил, что речь шла про то самое проклятие птицы

Мираж, о котором рассказывала нам Карина. Мудрец ведь пытается выяснить, могут ли этому проклятию быть подвержены дочери царя Дандора.

— Вот и я о том же подумал. Кажется, царь надеялся, что мудрецу удастся найти решение. Я был бы рад помочь в поисках...

— Вы с Полеттой отлично поладили, верно? — поделился наблюдением Лиафар. — Я заметил, как вы друг на друга смотрите.

— Правда? — несказанно обрадовался Агат. — Я боялся, что надумал себе гораздо больше, чем есть на самом деле.

Он разулыбался и чуть не угодил в яму.

— Она замечательная! — протянул Агат с мечтательным видом. — На корабле, когда мы с мудрецом спрыгнули с башни на палубу, я увидел Полетту совсем другой. Она... она была на подъёме, глаза горели огнём и решимостью. Она оберегала мать и сестрицу — помогла им обвязаться, когда корабль начал падать, и только потом позаботилась о себе. Даже её братья выглядели не столь решительно. При крушении корабля она сильно ушибла руку, но не раскисла... Она замечательная! — повторил он с благоговением. — И Вертуше нравится.

Проходя мимо ветхого забора, за которым простиралась возделанная земля, он кинул взгляд на охотившуюся на полевых мышей серую кошку и несколько загурстил.

— Кажется, Полетта не хотела уходить. Быть может, надеялась, что мудрец доверит нам важную миссию, а ей удастся принять в этом участие, — проговорил Агат, скорее, выдавая желаемое за действительное.

— Только царь Дандор вряд ли когда-нибудь позволит ей подобное, — заметил Лиафар, предостерегая друга от ложных надежд. — Отправиться в странствие она сможет

только в тайне от отца.

— Хочешь сказать, как Таилита?

Лиафар невольно нахмурился, а потом неохотно кивнул.

Ненадолго открывшееся небо снова заволокло серыми тучами, а вместе с этим сгустились сумерки. Плотнее укутавшись в плащи, путники свернули с обочины тракта и вдоль просёлочной дороги направились к коренастым домикам — проситься на ночлег.

Упоминание Таилиты заставило Лиафара вновь испытать противоречивые чувства, и, чтобы успокоиться, он по обыкновению достал деревянную фигурку птицы из нагрудного кармана. Правда, сделал он это тайком, чтобы не увидел Агат, так как не хотел признаваться другу, что питал привязанность к этому предмету. То, что им какое-то время владела Уджина в облике Таилиты, странным образом не отталкивало его, а даже, наоборот, прибавляло привязанности. Он никак не мог выбросить из головы тот её взгляд, с которым она смотрела на него, возвращая фигурку. И зачем было её возвращать? Будь она ей безразлична, Уджина просто выбросила бы деревяшку.

Семья, к которой Лиафар и Агат попросились на ночлег, впустила их безо всяких разговоров. Седобородый хозяин выглядел несколько суетливым, но охотно проводил незваных гостей в тесную комнатушку с узкими кроватями.

— Вы, должно быть, слышали, какую весть разнесли глашатаи? Царь велел уходить на восток. Враг грозит войной. Мы собираем пожитки и завтра поутру отправимся к родственникам в Вышгород, — взволнованно сообщил он, вручив островитянам свёртки с подстилками и одеялами, после чего удалился.

— М-да, — невесело протянул Агат. — Хорошего мало... Люди напуганы.

— И мы были бы напуганы, если бы жили прежней жизнью, — поделился мнением Лиафар.

— Хочешь сказать, тебе совсем не страшно? — подивился Агат, расстилая свой свёрток. — У меня вот живот сводит при мысли о том, какие беды нас ждут.

— Страшно, конечно, — признался Лиафар и незаметно сжал в руке деревянную птичку. — Но я больше страшусь за папу. Война заботит меня гораздо меньше. Всё-таки на нашей стороне чародеи и алаты.

— Только их совсем немного. И враг силён. А сколько нечисти под их началом — не сосчитать! Если нам не удастся сдержать их, они сожгут дотла наши дома. Мудрец и царь Дандор не зря так обеспокоены. Без помощи у нас мало шансов на победу.

— Превосходная духоподъёмная речь. Приятные сновидения мне теперь обеспечены, спасибо! — саркастически проговорил Лиафар.

— Я хотел сказать...

— Я понял, что ты хотел сказать. Просто мне привычнее видеть тебя решительным и уверенным в успехе. Твоё негодование действует на меня удручающе.

— Ну, мне тоже иногда бывает страшно и не всегда удастся сохранить жизнерадостный настрой. Масштаб угрозы, знаешь ли, и мудреца вывел из равновесия, куда уж мне с этим сладить... Но я согласен, нужно думать о хорошем, — закончил на позитивной ноте Агат и принялся извлекать из мешка отложенную провизию.

В душе Лиафара с новой силой разгорелась тревога за отца: в каких условиях он пребывает, что злодеям от него нужно? Юноша столько времени ждал встречи с ним, пережил столько страхов (главным из которых было опасение, что отец не вспомнит его), и вот, когда встреча наконец

состоялась, Влад узнал сына, едва увидев, а затем преобразился, вспомнив и о своей сущности. Его отец — алат, подумать только! Хотелось верить, что злодеи и правда не причинят ему вреда.

На следующий день после полудня Лиафар и Агат добрались до пристани. Минуя оживлённую её часть, друзья отметили чрезмерное скопление людей и панические нотки в многоголосом гвалте: люди, по-видимому, спешили поскорее закончить свои дела и убраться подальше от грозящей войны. Витавшие в воздухе страх и смятение овладели, кажется, всеми без исключения.

Друзья направились напрямик к обособленной части пристани, находящейся поблизости от дома Алеры и облюбованной островитянами. Те выкрашивали судёнышки в яркие цвета, а кто-то ещё подписывал именами или символами, и по негласному правилу островитяне могли пользоваться лодками друг друга в случае надобности.

Отплыв в лодке с крашенным в рыжий цвет бортиком, — друзья припоминали, что такая была у их товарища, Танира, — они по очереди гребли в направлении родного Островка, казавшегося с берега Павловска небольшим необитаемым клочком земли.

Через несколько часов они наконец пристали к берегу и без промедления направились к домам.

В отличие от пристани Павловска, деревня выглядела заброшенной — в опускающихся сумерках не было ни души. Местные жители не то от страха попрятались по домам, не то их разогнал набравший силу ветер и приближающаяся гроза. А может, уже и сюда дошла весть о грядущих бедах, и люди успели покинуть свои жилища? Хотя, как считали Лиафар и Агат, остров был самым безопасным местом в

случае войны, ведь он стоял обособленно и не представлял ни угрозы, ни выгоды.

— Пойду проведу своих. Увидимся позже, — бросил Агат и отделился.

Идти было недалеко: их дома стояли напротив, разделённые дорогой. Лиафар, с одной стороны, был рад, что не встретил знакомых, которые непременно завалили бы его вопросами, с другой, — вид пустынной деревни навевал тоску, которой и без того хватало на сердце.

Приближаясь к двери, Лиафар невольно заглянул в окно с распахнутыми настежь растрескавшимися ставнями — огня в доме не было. В душу закралось нехорошее предчувствие. Отворив дверь, он прошёл сени и ступил в общую комнату. Никого.

— Ау! — позвал юноша, как если бы очутился в густом тёмном лесу без единого признака жизни.

В доме пахло так, как пахло с самого детства, и этот запах напомнил Лиафару уют, что всегда отгонял прохладу, сырость и, главное, смятение. Здесь он ощущал себя более умиротворённым, хотя отсутствие родных и поднимало в нём тревогу с новой силой.

Заглянув на секунду в свою комнату и бросив там поклажу, Лиафар вернулся в общую. Достав из подпечья дрова, он бросил их в горнило, чтобы подкормить угасавшее пламя, и провёл по белёной стенке печи сухими ладонями. Даже без бабушки и деда дом показался приветливым и согревающим.

Не успел юноша как следует погреться и поразмыслить над тем, куда подевались родные, как в дверь с коротким стуком вошёл Агат.

— Лиафар? Твоих тоже нет?

Он удивлённо оглядел углы тёмной комнаты.

— И мои куда-то запропастились.

Они обменялись взволнованными взглядами, боясь озвучить посетившую обоих мысль: «А что если родные, прослышав о грядущей войне, уже уплыли с острова? Как же теперь отыскать их?»

Друзья замерли в нерешительности. Наконец Лиафар коснулся нагрудного кармана, нащупал силуэт крыла деревянной птички и медленно выдохнул.

— Может, они на собрание пошли к дому старосты?

Агат не ответил, просто кивнул и направился к выходу. Лиафар последовал за ним.

— И на кой чёрт понадобилось устраивать собрание в такой час? — ворчал Агат, топая по дороге, поднимающейся на небольшой холм. Ветер бил в лицо и трепал волосы — друзья пожалели, что оставили свои дорожные плащи дома.

Потом дорога пошла вниз, и стали заметны огни. Юноши с облегчением выдохнули.

Большая толпа с факелами, со свечными или масляными лампами и впрямь окружила дом Велимира. Сам староста, стоя на крыльце высокого бревенчатого дома в длинном пальто с меховым воротником, сложил руки на выступающем животе и что-то вещал.

Когда Лиафар и Агат приблизились к толпе, та как раз зашлась в возмущённом гвалте, и никто не заметил ново-прибывших.

Староста поднял обе руки и тщетно пытался призвать всех к тишине.

— Прошу вас, друзья, будьте терпеливее! Я и сам не в восторге от всего этого! Но царский указ это вам не шутки!..

Его слова потонули в ещё большем негодовании.

— Что будет с нашими домами? — выкрикнул кто-то из мужчин.

— А ежели нам некуда уйти? — донёлся другой тревожный вопрос.

— Друзья, друзья! Нам велено собрать пожитки и приготовиться в любой момент покинуть дома! — надрывался староста. — Но возможно, нам и не придётся уходить...

Лиафар искал взглядом бабушку и деда, а увидел первой Милу, сидевшую на плечах дяди Анобена. Рядом сразу же обнаружился Натрикс, а за ними и Дивад с Варей. Отец Агата, Роман, с женой стояли там же.

— Вон они, — кивнул Агату Лиафар.

— Кто нам угрожает, можешь ты сказать напрямую? — прозвучал зычный глас старика Горина, и окружающие одобрительно зашумели.

— Не могу, потому что не знаю, — отвечал Велимир без привычной улыбки на лице. Свойственное ему радушие сменилось откровенной обеспокоенностью: он был растревожен свалившейся угрозой войны не меньше остальных. — В указе упоминается враг и его воинство...

— Никак Адегор с чертями? — тихо вопрошал Дивад, повернувшись к жене.

Они не видели пробиравшегося к ним сквозь толпу Лиафара, поэтому едва не подпрыгнули от удивления, когда услышали его голос у себя за спиной:

— Он самый! И ещё двое сообщников с ним.

